

Title	Внешняя политика Советского Союза в Восточной Азии : критический анализ
Author(s)	Алиев, Р. Ш.-А.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 8, 67-83
Issue Date	1990
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8003
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034171.pdf

Внешняя политика Советского Союза в Восточной Азии: критический анализ

Р. Ш.-А. Алиев

Владивостокская речь М. С. Горбачева (28 июля 1986 г.) заслуженно рассматривается в качестве поворотного пункта в советской внешней политике в АТР. В ней впервые за все послевоенные годы дана подробная характеристика ситуации в регионе и сформулирована задача формирования системы всеобъемлющей безопасности в обширнейшей зоне мировой политики. Пакет инициатив, выдвинутых Генеральным секретарем в красноярской речи (16 сентября 1988 г.), призван был углубить процесс развития безопасности в регионе, превратить его в зону мира и взаимного сотрудничества.

Возникает вопрос, насколько далеко продвинулось дело безопасности и сотрудничества в АТР с позиции идей и инициатив, заложенных в названных речах советского руководителя. Если исходить из нашей печати, то мы должны были бы признать, что народы Азии и Тихого океана с энтузиазмом откликнулись на наши инициативы, и они полным ходом претворяются в жизнь. Некоторые факты, казалось бы, подтверждают бодряческий оптимизм журналистов. Достаточно упомянуть визит М. С. Горбачева в КНР, расцененный как "историческое событие" не только для советско-китайских отношений, но и для всего мира, участвовавшие контакты между СССР и Японией на уровне министров иностранных дел спад напряженности вокруг Кампучийской проблемы, активизация связей СССР с некоторыми странами АСЕАН и даже развивающееся экономическое сотрудничество с Корейской Республикой. Все это так, но не будем торопиться. Если еще раз внимательно посмотреть на владивостокские и красноярские инициативы, то значительная их часть нацелена на решение проблем военной безопасности, состояние которой зависит от реакции США и Японии. О характере этой реакции можно судить даже по вопросам, заданным М. С. Горбачевым министру иностранных дел Японии С. Уно во время их встречи в Москве (5 мая 1989 г.). Вопросы заключались в следующем: "Во-первых, как понимать, что в условиях, когда Советский Союз, реализуя свой принципиальный курс в области разоружения, снижает уровень военного потенциала в восточной части страны, Япония вместе с США продолжает наращивать свой военный потенциал и военную активность в регионе. Во-вторых, чем объяснить весьма прохладное отношение Японии, так же как и Соединенных Штатов, к нашим добрым намерениям, выраженным во владивостокской и красноярской инициативах?"¹ В информации об этой встрече было сказано: "Прямого ответа на эти вопросы дано не было."

Ответы, в том числе и со стороны самого С. Уно, безусловно, существуют, и в них заложена определенная логика, соответствующая мышлению руководителей США и Японии.

Ответы на поставленные вопросы можно найти и на страницах нашей печати,

“логику” которых понять значительно сложнее, поскольку она сводится к тривиальным вызовам о нежелании правящих кругов, например, США позитивно реагировать на “огромное, непреходящее воздействие” конструктивной политики Советского Союза, его миролюбивых инициатив.²

Весь вопрос как раз и заключается в том, чтобы понять, почему же эти самые круги сопротивляются реализации столь хороших инициатив? Попробуем разобраться.

I АТР : регион без границ или границы без региона?

Казалось бы азбучная истина: чтобы проводить региональную политику, надо, как минимум, знать границы региона, поскольку каждый из них обладает своей спецификой и своеобразием. Очевидно, к примеру, что проблемы американо-мексиканских отношений вряд ли очень сильно волнуют МНР или Вьетнам. Думается, что столь же толерантно Чили или Никарагуа относятся к проблеме безопасности на Корейском полуострове. Предполагаю, что конфликты между Индией и Шри-Ланка не являются актуальной темой внешней политики Австралии или Новой Зеландии. Подозреваю, что обстановка у берегов Персидского залива вряд ли отразилась бы на внешней политике Вануату, Науру или Тувалу. Несмотря на это, все эти государства попадают в регион, с чьей-то легкой руки названным азиатско-тихоокеанским (АТР). Что это за регион, понять трудно. Если исходить из упоминавшейся владивостокской речи, в зону АТР входит 36 государств, если же иметь в виду красноярскую речь, то он расширяется до Персидского залива (50 стран). В последнем случае логичнее его назвать не АТР, а азиатско-тихоокеанско-индийский регион (АТИР).

Размытость термина АТР ставит под сомнение ряд фундаментальных выводов, в том числе об экономическом значении региона в мировой политике. Как, например, понимать часто приводимую цифру 60%-объем промышленной продукции, приходящейся на АТР (иногда называют цифру 50, 55%), в котором игнорируется экономический потенциал СССР, хотя он вроде бы тоже входит в регион, но учитывается доля США, хотя они не меньшей своей частью обращены в сторону Атлантического океана. И вообще как оценивать экономические показатели регионального потенциала тех стран, которые одновременно входят в различные регионы (все страны Центральной Америки, Австралия, США, СССР и т. д.). Даже с экономической точки зрения вся эта калькуляция, свидетельствующая о “возрастающей роли” АТР, не имеет научного смысла, и потому выводы о том, что за АТР будущее, а за Европой прошлое, представляют собой не более, чем пустые разговоры.

В этой связи непонятен гнев наших тассовских журналистов, освещавших встречу “Азиатско-тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество,” проходившую во Владивостоке в октябре 1988 г., которым показалось неконструктивным сомнение представителя Малайзии о целесообразности обсуждения проблем АТР в целом, поскольку

“такого региона не существует, а в этих географических рамках есть 6-7 различных подрегионов, каждый из которых, в свою очередь, следует разбить еще на несколько подрегионов.”³ Впрочем, для большинства наших журналистов-международников, привыкших буквально следовать официальным речам государственных и партийных деятелей “несомневающийся” подход можно считать извинительным. Большую озабоченность вызывают несомневающиеся наши ученые, избегающие даже обсуждения темы определения региона, поскольку он уже “определен” в официальных речах.

Однако, если для нашей науки эта проблема не является проблемой, то для зарубежных ученых и даже политиков, озабоченных эффективностью деятельности своих стран в регионах, эта тема представляется серьезной, и они пытаются четко выявлять границы АТР. В качестве примера сошлемся на китайского автора Чэнь Ли, который в статье “АТР — идущий к расцвету центр мировой экономики” приводит пять позиций на географические рамки региона:

- 1) район Тихого океана, Северо-Восточная Азия, центральный материковый район, ЮВА и Южная Азия (из книги Р. Скалапино “Азия по пути вперед” 1975);
- 2) страны Северо-Восточной Азии, ЮВА и Океания (из Отчетного доклада К. Уайнбергера, 1985 г.);
- 3) прибрежные и островные страны по обе стороны Тихого океана, Австралия, Новая Зеландия и другие страны Океании (со ссылкой на японцев);
- 4) Западная часть Тихого океана, т. е. страны Восточной Азии, ЮВА, а также акватории и острова западного района Тихого океана (придерживается часть китайских ученых);
- 5) Северо-Восточная Азия, ЮВА, Южная Азия страны Океании (точка зрения Чэнь Ли).⁴

Я не ставлю себе задачу подвергать критике приведенные точки зрения, хотя и не согласен ни с одной из названных позиций. Причина заключается не только в ограниченном объеме статьи, но и в том, что ни одна позиция не обосновывается методологически. В этой связи хотелось бы только подчеркнуть, что ни океанический, ни материковый, ни географический принципы не могут служить методикой для определения границ региона. На мой взгляд, наиболее плодотворным методом выявления границ региона может явиться принцип экономической интеграции и наличие общих международных проблем, рассмотренные через призму системного анализа, который привел меня к выводу об отсутствии АТР как целостного региона. На сегодняшний день мы имеем экономическое интеграционное поле или, по крайней мере, тенденцию к его формированию, охватывающую зону Восточной Азии, включающую такие капиталистические страны, как США, Японию, азиатские страны НИС и АСЕАН, который предлагается обозначить как международный экономический регион Восточной Азии или МЭР ВА. И хотя ни одна страна социализма, по крайней мере на данный момент, не входит в этот МЭР ВА, все же, если следовать одному из принципов системного анализа — принципу совместимости, они, то есть социалистические страны, совмеща-

ются с участниками МЭР ВА на базе "наличия общих международных проблем" (главным образом, проблем безопасности в Индокитае и на Корейском полуострове), формируя своего рода международно-политический регион (МПР), покрывающий ту же Восточную Азию.

Аналогичные образования вырисовываются в Южной части Тихого океана, интегратором которого выступает Австралия. Иная экономическая и политическая специфика характерна для азиатско-индийского региона вокруг Индии. Наконец, качественным отличием от азиатских регионов обладает Ближний Восток, перед которым стоят совершенно другие задачи как в политике, так и в экономике. Следовательно, подгонять все эти регионы под одну крышу — АТР, значит не видеть специфику и своеобразие регионов. Безусловно, между ними существует взаимосвязь, но связь эта и соответственно взаимодействие между ними строится на иных принципах: не на принципах интеграции, а интернационализации, который отражает иную сущность экономического и политического взаимодействия.

Раскрытие таких выводов потребовало бы отдельной статьи, здесь же хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что, во-первых, принцип "здравого смысла" не дает возможности определить границу региона, а во-вторых, без определения границы политика, осуществляемая в безграничном пространстве, обречена на неопределенность с неопределенным результатом, что и подтверждает практика.

II Проблема военной безопасности в Восточной Азии : США и СССР — два подхода

В выступлении М. С. Горбачева в Красноярске прозвучал вопрос: почему у Советского Союза в АТР, в отличие от других важных областей мировой политики, не получается взаимопонимания с США? В чем же дело?⁵

В этой же речи был выдвинут очередной пакет инициатив по укреплению общеазиатской безопасности для начала хотя бы путем ненаращивания военных потенциалов основных держав региона. Ответ на эти, также как и на владивостокские инициативы, известен. — США и Япония их не поддержали. Так в чем же дело?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует напомнить, что Москва и Вашингтон одинаково критически оценивают ситуацию в регионе: характеризуют ее как нестабильную. Указываются одни и те же "нестабильные" горячие точки: Корейский полуостров, Индокитай, ситуацию на Филиппинах, распри и конфликты между странами АСЕАН. Обе стороны столь же единодушно отмечают "вооруженность" и "милитаризованность" региона.⁶

Разногласия начинаются с ответа на вопрос об ответственности за такую неблагоприятную ситуацию. США возлагают ее на Советский Союз и его союзников, СССР соответственно — на США и их союзников. В чем же истоки столь противоположных позиций?

Общеизвестно, что ни одна речь руководителей двух держав на внешнеполитическую тему не обходится без призывов к международной безопасности. Однако вся проблема в том, что стороны по-разному понимают категорию международной безопасности. Для Советского Союза она означает такое состояние международных отношений, которое обеспечивает национальные интересы всех субъектов мировой политики на равноправной и справедливой основе. Американская же концепция международной безопасности фактически совпадает с задачами национальной безопасности, требующими формирования такого состояния международных отношений, которые целиком и полностью отвечали бы национальным интересам в первую очередь самих США, во-вторую — всей системы "свободного мира." Как видим, различие трактовки безопасности на теоретическом уровне неизбежно должно вести и ведет к различной манере поведения в практической плоскости. Проверим, как это конкретно проявляется в Восточной Азии.

Говоря об этом регионе, официальные лидеры США обычно указывают на три фактора, угрожающих международной безопасности, т. е. безопасности или национальным интересам США.⁷

Первый — угроза экономическому порядку, связанная с проблемами отношений главным образом с Японией и азиатскими НИС (прежде всего с Южной Кореей и Тайванем). Второй фактор увязывается с угрозой "демократии и свободе," при расшифровке означающей проблемы политической стабильности в Восточной Азии, в основном в Южной Корее и на Филиппинах. Наконец, третий фактор — угроза использования силы со стороны "экспансионистских государств," под которым и подразумевается наращивание военного потенциала СССР и его союзников.⁸

Совершенно очевидно для всех, в том числе и для США, что первая "угроза" не может быть связана с действиями Советского Союза в Восточной Азии хотя бы уже по причине "отсутствия его экономического присутствия" в регионе.

Вряд ли США усматривают "угрозу" со стороны СССР и политической стабильности здесь. Руководители США, думаю, прекрасно отдают себе отчет в том, что если и случаются какие либо политические пертурбации в той или иной стране капиталистической части Восточной Азии (например, в Южной Корее или на Филиппинах), то Советский Союз не имеет к ним никакого отношения.

Остается проблема военной безопасности — та сфера, в которой Советский Союз в принципе в состоянии бросить вызов Соединенным Штатам. Если поверить в заявления некоторых военных, например, адмирала Ан. Лабрусса, или калькуляции военного состояния сил в регионе между США и СССР, данной авторитетным японским сборником "Эйшн секьюрити," в котором утверждается военное превосходство СССР и его союзников над военным потенциалом США и их союзниками,⁹ то наращивание американских сил в Восточной Азии теоретически может иметь свое оправдание. Но поскольку, по выражению генерала армии М. Моисеева, "народы теперь все меньше и меньше верят пропаганде о советской военной угрозе,"¹⁰ нам предлагают

поверить в американскую военную угрозу. В подтверждение этого в статье генерала армии под названием “Истоки напряженности. Что скрывается за планами США на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии” приводится на первый взгляд убедительный цифровой материал о превосходстве военного потенциала США над потенциалом СССР. Эта статья, правда, вызвала недоумение у ученого дипломата В. П. Лукина своей односторонностью: приводятся цифры американской военной мощи без сопоставления с потенциалом СССР.¹¹ И все же поверим М. Моисееву, тем более, что у нас и до его статьи неоднократно писалось, например, о более чем трехкратном превосходстве США над Советским Союзом в боевых кораблях и о более чем 10-кратном — в палубной авиации.¹² Наличие же почти трехсот военных объектов разного назначения, баз на территориях Японии, Южной Кореи, Филиппинах, отлаженная инфраструктура размещения военных мощностей в Восточной Азии дают основание даже для американскому журналу *Ньюсуик* утверждать: “Сегодня сильнейшая военная держава на Тихом океане — это США.”¹³

Несмотря на это, Соединенные Штаты продолжают наращивать собственные военные мощности, побуждая к этому и своих союзников. Где же логика? Не говоря уже о логике нового политического мышления. Думаю, что логика есть, и логика железная. Рискну предположить следующее.

Напомню, что одним из важных компонентов нового политического мышления является деидеологизация межгосударственных отношений. Как показала практика, этот компонент неплохо “работает” в решении проблем стратегического разоружения. На этом уровне мировой политики, где решаются судьбы человеческой цивилизации, как говорится, не до идеологии. Это слишком опасный участок, чтобы бесконтрольно давать ход идеологическому противоборству. Но как только политика спускается на региональные орбиты, она тут же вторгается в геостратегические и самое главное в социально-политические интересы. В результате идеология начинает диктовать условия безопасности. Тем более, что сама доктрина безопасности в свое время формулировалась американскими теоретиками и политиками как средство обеспечения интересов “свободного мира,” т. е. как идеологическая концепция. На этот момент после войны упирал Г. Трумэн, затем Л. Джонсон, наиболее выпукло — Р. Рейган. В аналогичном ключе рассматривает проблему безопасности Дж. Буш. Так, выступая в национальном собрании Южной Республики (27 февраля 1989 г.), он подчеркивал: “Наша самая важная задача сегодня состоит в сохранении свободы и демократии.”¹⁴ В этой же речи, также как и во многих других речах на внешнеполитические темы, Буш повторил любимый рейгановский постулат: “Мир с позиции силы — это политика, которая сослужила прекрасную службу интересам безопасности наших двух стран.”

Не будем наивны. Наши призывы к деидеологизации межгосударственных отношений означают принятия их на вооружение внешней политики США. Более того, деятельность Соединенных Штатов на международной арене свидетельствует как раз о том, что именно в 80-е годы она насыщена большей идеологией, чем

в период, например, 70-х годов. В подтверждение можно привести и реакцию США на июньские события в КНР, когда китайское руководство в целях “укрепления социализма” сурово обошлось со студенческим выступлением. Да и благожелательное отношение Вашингтона к СССР в немалой степени мотивировано тем, что страна, по его мнению, встала на путь рыночной экономики и демократии, приближаясь к западным моделям. Но поскольку окончательной убежденности в этом нет, пока Советский Союз предстает перед Западом в качестве социалистического государства, и потому наши шаги в области региональной безопасности продолжают встречать противодействие, за исключением Европы. Это и понятно, так как европейская безопасность совпадает со стратегической безопасностью.

Мне думается, именно по этим причинам и не принимаются наши инициативы в области безопасности в АТР, хотя вашингтонские лидеры объясняют свою позицию другими мотивами. Следовательно, наращивание вооруженных сил США в Восточной Азии являет собой средство обеспечения идеологической безопасности региона против вторжения в него политико-идеологического влияния СССР.

Естественно, такой подход создает реальную проблему в советско-американских отношениях в вопросах военной стабильности и военной безопасности в Восточной Азии. Ни договор о ликвидации РСМД, ни вывод 3/4 советских войск из МНР, ни уничтожение ракет СС-20 в Азии, ни наши предложения о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи и т. д. пока не оказали продуктивного влияния на обстановку в регионе. Как же реагировать на такую ситуацию?

Убежден — никак не реагировать. Поясню свою мысль. Можно предположить, что Министерство обороны СССР, раздраженное негативной реакцией США на наши предложения о снижении военной активности в регионе, а также принимая во внимание наше отставание по масштабам этой активности, пойдет на наращивание потенциала ВМФ (естественно, под маркой модернизации) для достижения “более полновесного равенства.” Думаю, это будет ошибкой. Доктрина оборонной достаточности в принципе позволяет снижать в одностороннем порядке более чем наполовину стратегический потенциал СССР, сохраняя при этом стратегическое равновесие, т. е. потенциал, способный на ответный удар по противнику с неприемлемым для него ущербом. Что же касается противостояния с США на морях и океанах, то, по мнению специалиста в военной области Ал. Арбатова, оно “по объективным геостратегическим причинам самая невыигрышная для нас область соперничества, крайне дорогостоящая, не связанная напрямую с безопасностью СССР и его основных союзников.”¹⁵

Не являясь специалистом в военной сфере, не берусь квалифицированно оценивать вышеприведенное суждение. Однако сумеем утверждать, что ответное наращивание нашего военного потенциала в Восточной Азии (а такие намерения, судя по некоторым публикациям, существуют) подстегнет Соединенные Штаты для продолжения гонки вооружения в регионе, что в целом усугубит проблему международной безопасности

на этом участке мировой политики. Позитивным же ответом на идеологизированную политику США, подкрепляемую военной силой, может служить только экономическое приращение СССР в регион, превращению его в значимый элемент международного экономического региона Восточной Азии.

III СССР и Япония : тормозящие факторы

Если за ходом советско-японских отношений следить по газетам "Правда" или "Красная звезда," то может сложиться впечатление, что мы находимся чуть ли не в состоянии конфронтации с Японией. Несколько успокаиваешься, читая о них в "Известия." И тем не менее общий лейтмотив публикаций таков: отношения между СССР и Японией переживают не лучшие времена или, по крайней мере, "их сегодняшний уровень по-прежнему не отвечает потенциальным возможностям, которыми располагают Советский Союз и Япония, и положению наших стран в мире."¹⁶ Так ли это?

Мне кажется, что наши отношения как раз соответствуют, во всяком случае, нынешнему потенциалу СССР. Кроме того, все познается в сравнении. Сравним отношения Советского Союза с Японией и с пятеркой ведущих держав капиталистического мира : с США, ФРГ, Англией, Францией и Италией.

Дипломатическая сфера функционирует достаточно активно и освобождена от "посольских войн," которые вспыхивают в отношениях с США, Францией и Англией. В военном плане Япония не рассматривается нами в качестве стратегического противника в отличие от США, Англии и Франции, обладающими стратегическим оружием. Объем торговли между СССР и Японией в 1988 г. равен 5,9 млрд. долл., т.е. уступает только ФРГ, находясь на уровне Франции и Италии, и превосходит уровень нашей торговли с США и Англией.

Таким образом, выводы чуть ли не о критическом состоянии советско-японских отношений выглядят по меньшей мере странными, особенно, если учесть комплекс проблем с другими ведущими державами капиталистического мира. Обращает на себя внимание и то, что нынешний относительно приличный объем отношений между СССР и Японией достигнут в условиях заниженного внимания к Японии с нашей стороны. Достаточно напомнить, что ни один высший партийный руководитель ни разу после 1956 г. (год восстановления дипломатических отношений) не посетил Японию, хотя в США и в европейских странах они бывали неоднократно. Можно привести немало доводов для такого невнимания, однако вряд ли все они будут достаточно обоснованы, если иметь в виду, что такого типа визиты являют собой не только фиксацию решения каких-либо проблем но и служат демонстрации уважения к народу той или иной страны. Отрадно, конечно, что наконец в ходе последних переговоров на уровне министров иностранных дел достигнута договоренность о визите М.С. Горбачева в Японию.

И все же нынешнее состояние отношений удовлетворить нас не может. Причем,

нас в большей степени, чем японцев. По той простой причине, что они и без нас неплохо процветают. Мы же без них, пока будем нащупывать потенциальные преимущества социализма, вообще можем остаться без штанов. Я, конечно, утрирую, но только для того, чтобы осознать одну простую вещь: в данной ситуации именно мы должны быть инициативной силой в деле привлечения Японии к сотрудничеству с нами и не допускать ожиданий, чтобы чуть ли не японцы решали за нас формы и методы этого сотрудничества и готовили для нас проекты совместного предпринимательства. Приходилось сталкиваться и с такими настроениями. Но чтобы быть привлекательными для Японии, необходимо по крайней мере не допускать просчетов и ошибок в общем подходе к Японии, о которых мне уже приходилось писать.¹⁷ В этой связи хотел бы обратить внимание еще на ряд моментов в нашей японской политике, которые, на мой взгляд, продолжают оставаться тормозящими факторами на пути взаимопонимания с этой страной.

На первый взгляд, если исходить из совместных коммюнике последних двух-трех лет, интересы СССР и Японии совпадают по трем важнейшим пунктам: обе страны заинтересованы в состоянии мира и безопасности в АТР (в совместных заявлениях используется этот размытый термин), в подписании мирного договора, в развитии торгово-экономического и научно-культурного сотрудничества. В полном объеме ни одна из сторон не удовлетворена состоянием дел ни по одному из пунктов.

Япония устами своих официальных политиков указывает, что на ситуацию в АТР деструктивное воздействие оказывает, по словам С. Уно, постоянное наращивание в качественном и количественном отношении вооруженных сил Советского Союза на Дальнем Востоке.¹⁸ Мирный договор не может быть заключен без возвращения Японии "северных территорий." Экономическое сотрудничество тормозится, с одной стороны неадекватными экономическими интересами сторон, с другой — неповоротливостью наших хозяйственных организаций наладить продуктивное экономическое взаимодействие с Японией.

Мы в ответ уверяем, что процесс милитаризации в АТР стимулируется наращиванием американской военной мощи при активной поддержке Японии, которая к тому же сама ускоряет развитие собственных вооружений. Территориальные притязания Японии к СССР рассматриваются как несостоятельные, и поэтому не могут служить предварительным условием для подписания мирного договора. Что же касается торгово-экономического сотрудничества, то хотя и признается определенная неуклюжесть наших хозяйственников, однако тут же указываются политические мотивы неконструктивного подхода Японии, тормозящего его развитие (давление США, ограничения КОКОМ, привязка к "территориям" и т. д.).

Итак, интересы — едины, подходы к их реализации — разные. Попробуем понять логику Японии.

Начнем с проблемы азиатской безопасности. Все наши инициативы на АТР фактически направлены на слом существующего там механизма безопасности, функциониру-

ющего на основе доминирующего военного присутствия США в регионе, связанных с системой договоров безопасности с Японией, Филиппинами, Южной Кореей и Таиландом. Может ли пойти на это Япония, учитывая тот факт, что именно нынешняя система безопасности, по убеждению политических кругов этой страны, во-первых, предотвращает "угрозу" извне непосредственно Японии, во-вторых, создает благоприятные условия для экономической деятельности компаний в регионе, в-третьих, обеспечивает сохранение и процветание стран "свободного мира," в том числе и самой Японии. Где гарантии того, что в случае реализации советской концепции безопасности сохранятся нынешние условия для развития и воспроизводства рыночных отношений в регионе? Где гарантии, что та или иная страна социализма, некоторые из которых неоднократно демонстрировали склонность обращаться к военной силе во внешней политике, вновь не прибегнут к силе в решении международных проблем, как они это делают во внутренней политике? Опасения такого типа неоднократно приходилось выслушивать от многих японских политологов и международных экспертов, и я не считаю, что они совершенно беспочвенны.

Представляется также, что и наши атаки на японский милитаризм, преувеличенные оценки его значимости не отвечают интересам безопасности в Восточной Азии. Допустим, хотя бы на минутку, что японцы, вняв нашим сетованиям по поводу милитаризации Японии, свернут этот процесс до нуля, возложив проблему безопасности своего государства на США. (Среди некоторых японцев, кстати, тоже существуют такие настроения). Можно представить, какая буря поднимется в Соединенных Штатах в случае такого решения Токио. Надо иметь в виду, что даже нынешние темпы военного строительства не устраивают многих конгрессменов. Так вот, такой исход означал бы фактический разрыв военно-политических отношений между союзниками. Готовы ли они к этому? Конечно же, нет. Поэтому наши обвинения в адрес японского милитаризма просто несвоевременны, а по сути и неверны. Не предъявляем же мы аналогичных требований в отношении Франции и Англии. Более того, мы даже согласились не учитывать ядерный потенциал этих стран на Женевских переговорах по стратегическому разоружению, а это как-никак 700 ядерных боеголовок. Почему же столь выборочен наш адресат обвинений? Давайте все-таки реально смотреть на вещи. Несмотря на некоторые подвижки в плане разоружения с Западом, этот процесс пока не носит качественного характера. США, как известно, вышли из Договора ОСВ-2. В 1988 г. противосиловой потенциал их стратегических наступательных сил вырос примерно на 20%.¹⁹ То есть взаимного доверия по проблемам международной безопасности пока еще нет. Его завоевание — процесс длительный и одним махом, как это заложено в наших инициативах по Азии, его не решишь.

В этой связи еще более абсурдными звучат иногда призывы к Японии отказаться от военного союза с США. Это был бы самый наилучший подарок для японских милитаристов и правых, которые тут же воспользовались бы ситуацией для превращения своей страны в военную сверхдержаву. По мнению проф. Т. Саканака из

университета Аояма, даже вывод американских войск из Японии и Южной Кореи вынудит Японию встать на путь голлистской политики, одним из элементов которой было бы создания "достаточно крупных ядерных сил... и подкрепления их большим разнообразием армии и ВМС."²⁰ И тут уже ссылки на здравый смысл могут оказаться запаздальми.

Следующий пункт — "северные территории." На данный момент — позиции сторон непримиримы: японцы требуют их отдать, мы считаем, что они законно наши. Тем не менее определенная "подвижка" в позиции СССР наметилась: раньше мы вообще не признавали наличия данной проблемы, теперь признаем, что проблема существует. Не вдаваясь в существо вопроса, хочу обратить внимание на другое.

Японская сторона, выдвигая территориальные требования к нам, постоянно апеллирует к мнению "народа." Действительно, регулярные опросы общественного мнения дают высокий показатель поддержки правительства по территориальной проблеме. Следует напомнить, что оппозиционные партии (например, КПЯ и СПЯ) идут даже дальше правительства. Они требуют все Курильские острова, возвращение которых они, правда, связывают с аннулированием договора безопасности с США.

Советская сторона также часто ссылается на мнение народа. Как раз это мне и непонятно, т.к. никто с народом на этот счет не советовался и никаких опросов общественного мнения по "северным территориям" у нас не проводилось. Более того, в массе своей "народ" толком и не представляет, в чем суть проблемы, на каком основании японцы требуют эти территории.

Официальная позиция СССР сформулирована в недрах МИДа и аппарата ЦК КПСС.

Что же касается ученых-японоведов, хорошо знающих эту проблему, то их позиция не столь однозначная, как позиция официальных кругов. Среди них есть сторонники жесткого подхода, заключающегося в том, чтобы вообще не признавать такой проблемы. Есть и те, которые предлагают вернуться к совместному советско-японскому заявлению 1956 г., в соответствии с которым предполагалось передать Японии острова (Хабомай и Шикотан) после подписания мирного договора. Существуют и приверженцы подхода, предусматривающего перевод этой проблемы из политической в экономическую, т.е. заэкономизировать проблему территорий, отодвигая политическое решение на будущее. Имеется в виду создание на островах совместных предприятий и иных форм совместной деятельности вплоть до учреждения там специальной экономической зоны. В перспективе же вопрос о границах может отпасть сам по себе, поскольку тенденции мировой политики обрекают государства на отмирание, о чем свидетельствует, например, опыт Западной Европы. Почему бы не ускорить этот процесс и в районе Южной части Курил?

Нелишне при этом напомнить, как у нас решался пограничный вопрос с Финляндией в момент отделения ее от России, и формирование с ней отношений мира, который, по словам В.И. Ленина, "имеет всемирно-историческое значение."²¹ Мы заключили с ней мир, сделав ей ряд территориальных уступок, "которые не вполне соответствовали

строгому соблюдению принципа самоопределений наций, когда мы делом доказали, что вопрос о границах для нас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений ... не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать.”²² — Вот как Ленин решал эти вопросы!

У меня нет рецептов, как в нынешней ситуации решать проблему “северных территорий” с Японией. Но я твердо убежден, что этот вопрос касается не только МИД или ЦК КПСС, это вопрос всенародного значения. Поэтому именно народ в подлинном смысле этого слова через референдум или другие формы его волеизлияния должен определить позицию государственных органов относительно этих территорий. Пора отказываться от кулуарной дипломатии. Предварительно же на страницах массовой печати, а не только в специализированных журналах, необходимо дать подробную информацию об истории и сути проблемы. Только на таких условиях мы можем на равных обсуждать эту тему с Японией.

Наконец, третий аспект наших отношений с ней — экономическое сотрудничество. Однако проблемы, которые мы испытываем в этой сфере, касаются не только Японии. Поэтому есть смысл взглянуть на них пошире.

IV Проблемы экономического сотрудничества СССР с регионом

Банальным является утверждение о взаимозависимости мира. И все же эта “истина” не кажется мне бесспорной, если говорить об экономической взаимозависимости между странами социализма и капитализма. Напомню, что наша доля в международной торговле составляет не более 4%, т. е. по утверждению экономиста М. С. Панкина, примерно столько же, сколько было у царской России перед первой мировой войной.²³

Еще более безотрадная картина наших экономических позиций вырисовывается в Восточной Азии. Доля импорта наших товаров в общем импорте капиталистических стран региона настолько мизерна, что она зачастую не фиксируется в статистических справочниках по торговле. Даже у наиболее крупных торговых партнеров: у Японии и КНР эта доля не превышает 2%. Для сравнения — доля США и Японии в импорте стран региона составляет от 15 до 30%. О других формах экономического сотрудничества говорить не приходится: они еще в основном в стадии пожеланий и первоначальных разработок. Это означает, что мы (как и другие социалистические страны региона) не только не являемся элементом интеграционного поля МЭР ВА, мы по сути не являемся даже элементом в процессе интернационализации, для которой характерен интенсивный торговый обмен. О какой же взаимозависимости мы толкуем?!

Еще одна проблема — дефицит в торговле со странами Восточной Азии. Третья проблема — громадный удельный вес в нашем экспорте товаров сырьевого профиля. Достаточно сказать, что советский экспорт машин и оборудования в Японию занимает всего лишь 1% от всего экспорта в эту страну. Кстати, эта ситуация привела депу-

тата Верховного Совета от Дальневосточного региона Е. А. Гаер к выводу, что Приморье превратилось в сырьевой придаток Японии.²⁴

Приведенные цифры почему-то подводят к выводу о том, что нынешний уровень торговых отношений со странами региона не соответствует нашим возможностям. Давайте не будем себя обманывать. Как раз наоборот, он объективно отражает потенциал СССР в экономике, науке и технике, по крайней мере, на сегодняшний день.

На общее неблагоприятие в экономике страны накладывает негативный отпечаток специфика экономики дальневосточного региона, которая носит энергосырьевой характер. Его структура вошла в противоречие с интересами наших торговых контрагентов в Восточной Азии. Как известно, перестройка, например, экономики Японии, начавшаяся со второй половины 70-х годов, была ориентирована на создание наукоемких отраслей промышленности, позволивших снизить ей энерго-металло- и трудовые ресурсы на единицу продукции. В результате наши экономические интересы стали расходиться. Был утерян фактор взаимодополняемости экономик. К сожалению, Долгосрочная государственная программа комплексного развития производительных сил советского Дальнего Востока, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. ориентирует регион на развитие энерго сырья, капиталотрудоемких производств. Видимо, опыт Японии, штата Калифорнии, азиатских НИС явно оказался за пределами анализа разработчиков этой программы. Результаты развития экономик этих стран подсказывают, что процветание связано с развитием софтизированных отраслей, а также с той индустрией, которая работает непосредственно на человека. Ориентация же на сырьевую экономику обрекает страны на вариант экономика ради экономики. Отсюда — стагнация, спад, падение уровня жизни и т. д.

Чтобы выйти из тупиковой ситуации, нам необходимо четко и ясно определить интересы и цели. Основным и единственным нашим интересом является процветание человека. Для достижения этого конечного интереса надо сформулировать конкретные цели, поскольку цель — это обеспеченные материальными ресурсами интерес в действии.

В контексте наших проблем на Дальнем Востоке на этот интерес работают две взаимосвязанные цели. Одна из них — обеспечить динамичное развитие советского Дальнего Востока, выработав для этого новую концепцию долгосрочной программы, в которой, на мой взгляд, должны быть заложены две взаимосвязанные стратегические задачи. Обособление региона от хозяйственных связей с центром и формирование относительно автономной экономической зоны. И второе — теснейшая экономическая привязка советского Дальнего Востока к странам Восточной Азии. Последняя задача определяет вторую цель — поставить развитие экономической кооперации с государствами ВА на службу реализации основного интереса. Осуществление этих стратегических целей объективно приведет к тому, что мы наряду с США и Японией, учитывая наши потенциальные возможности, можем стать интегрантом МЭР ВА.

Формы реализации второй цели могут быть крайне разнообразными: от низших — торговля, сотрудничество, кооперация, смешанные предприятия и т. д. до высших — создание специальных экономических зон, охватывающих для начала Приморье, а затем и другие районы советского Дальнего Востока.

Какие трудности существуют на этом пути и каковы возможные варианты их преодоления?

Первая трудность и самая главная — убедить Москву в правомерности постановки названных задач и целей. Без этого бессмысленно говорить о каких-либо прорывах в развитии дальневосточного региона. Более чем 70-летняя практика нашего хозяйствования, точнее безхозяйствования, показала и доказала, что невозможно из одного центра не то что контролировать, но и управлять такой машиной, каковой является Советский Союз. Настаивать же на централизованном управлении — обрекать нашу экономику на дальнейший развал.

Второй момент. Необходимо на общетеоретическом уровне разработать целостную концепцию регионального экономического развития, включая концепцию специальных экономических зон. В этой связи высказываются идеи, что поскольку экономика стран Восточной Азии носит многоэтажный характер в силу различного уровня их экономического развития, то наш Дальний Восток может быть встроен только в нижние этажи. Понадобится 10-15 лет, чтобы подняться на верхние этажи экономического сотрудничества. Эта идея обрекает советский Дальний Восток на участие по вертикальной схеме разделения труда, иначе на превращение его в сырьевую базу региона. В принципе по этой схеме в основном и развивается Приморье. На мой взгляд, такой вариант ведет нас в тупик. Неужели наш собственный опыт, не говоря уже об опыте многих других стран, сделавших упор на сырьевое производство, ничему не научил? Если мы все время говорим о том, что главное — это человек, его потребности, то почему же мы должны производить бревна, а не мебель, сталь, а не автомобили, руду, а не компьютеры. Ясно, что одно без другого не бывает. Но не понятно, почему одно, первое — есть, а второго, второго — нет? Естественно, что речь идет о пропорциях, об оптимизации первого с неизбежным выходом на второе, на потребительские товары. В стратегическом плане в районе Дальнего Востока необходимо заложить приоритет второго над первым. Иначе грош цена и первому. И в этом смысле у нас нет времени для постепенного переползания с нижних этажей на верхние по той причине, что просто некому будет переползать на этажи. Народ хочет потреблять, а не только производить непотребное. Поэтому необходим прыжок на верхние этажи. Начинать надо не с крупномасштабных проектов, а прежде всего с тех отраслей, развитие которых способствовало бы расширению и укреплению инфраструктуры района (транспорт, воздушные перевозки и флот, модернизация портов и гаваней), развитию третьей отрасли промышленности (сфера услуг, гостиницы, потребительские центры, туризм). Все это создавало бы условия для последовательного расширения объемов наукоемкого производства и улучшало бы жизненный уровень

населения. Такой подход означал бы определение стратегических интересов региона не через призму интересов министерских и прочих ведомств, а через призму интересов человека.

Третье. Проблема заключается в том, что мы не только не осознаем собственные интересы, но мы четко не знаем интересы предполагаемых и реальных партнеров. Тогда каким образом можно состыковать невыявленные интересы. На какой основе будет развиваться та самая взаимность, о которой мы так часто, но абстрактно говорим. Один умный журналист — С. Агафонов из “Известия” — рассказав о бесчисленных визитах наших представителей в Японию, ужаснулся незнанием этими представителями реалий Японии, ее рынка, конъюнктуры.²⁵ И я ему верю, поскольку сам сталкивался с такими представителями. А речь-то идет о Японии, довольно подробно описанной и проанализированной нашей экономической литературой. Можно представить знания наших “бизнесменов” о рынках и специфике таких стран, как Малайзия, Филиппины, Таиланд и т. д. Это страны, с которыми мы также хотели бы развивать отношения, но они значительно меньше описаны в наших научных работах. Без анализа интересов всех стран региона, без анализа экономической деятельности японских и американских компаний в ВА, невозможно сформулировать и общую концепцию развития нашего собственного дальневосточного региона.

После визита М. С. Горбачева в КНР заговорили о перспективности экономического сотрудничества с Китаем. В каких направлениях? Указывается — например, в энергетике и металлургии. То есть опять энергометалло-трудоемкое производство, помимо всего рассчитанное на многолетнее освоение с очевидной грязноэкологической отдачей. Продуман ли этот вариант сотрудничества? Не просматривается ли здесь просто эйфория улучшением отношений, подталкивающая к сотрудничеству ради сотрудничества? А как скажется сотрудничество в области энергетики на технологическое развитие двух стран? Наконец, приведет ли оно к повышению уровня жизни советских граждан и китайцев? Не уверен. Понимаю, что эта тема требует специального анализа, который, судя по всему, не сделан и в высоких экономических организациях.

На пути нашей политики в Восточной Азии существует немало трудностей, разрешение которых возможно только с помощью революционных преобразований, и прежде всего в нашем мышлении. Как минимум, они предполагают, во-первых, отказ от позиции сверхдержавности, что будет соответствовать реальному нашему месту, по крайней мере, в Восточной Азии. Как максимум, это означает сворачивание военной активности в регионе до пределов, необходимых для защиты безопасности наших сухопутных границ и территориальных вод на Дальнем Востоке. Во-вторых, нам необходимо “раскупорить” границы вообще в соответствии с решениями Итогового документа Венской встречи 1986 г. Только свободное передвижение капитала, людей и идей может создавать реальные интеграционные узлы взаимного общения. В-третьих, необходимо трезво оценить наши реальные возможности, наши и их инте-

рессы в Восточной Азии. В-четвертых, следует избегать инициатив, заранее обреченных на провал. Нам не нужны инициативы ради инициативы. Инициативный вал — это тоже затратный вариант политики. Стоимость в политике, также как и в экономике, только тогда обладает полезностью или ценностью, когда она находит потребителя.

И последнее. Наши исследования по проблемам Азии и Тихого океана, особенно если судить по открытым публикациям, за редким исключением, продолжают сохранять пропагандистский налет. Снять его — задача ученых. Иначе мы так и не поймем, почему же такая сверхконструктивная внешняя политика Советского Союза в АТР не встречает понимания у США и Японии? Кстати, не встречает она понимания и у ряда других стран Восточной Азии. Пора набираться смелости и отвечать на эти вопросы.

1. VII, 1989.

ПРИМЕЧАНИЕ

- 1 *Правда*, 1989. 5. 6.
- 2 *Правда*, 1989. 5. 4.
- 3 См. "Эхо планеты," No. 30 (октябрь, 1988), стр. 17.
- 4 См. "Дали чжиши," No. 8 (1987), стр. 11.
- 5 *Время действий время практической работы. Сб. материалов о поездке М. С. Горбачева в Красноярский край, 12-16 сентября 1988 г.* (Москва: 1988), с. 86 (или *Правда*, 1988. 9. 18).
- 6 См. *Statements and Opinions on Pacific Cooperation (Tokyo, 1985)*, p. 46 ;
Перестройка неотложна, она касается всех и во всем: *Сб. материалов о поездке М. С. Горбачева на Дальний Восток, 25-31 июля 1986 г.* (Москва: 1986), с. 23.
- 7 В США даже теоретики-международники не различают категории национальной безопасности и национальных интересов. Это замечание, правда, относится и к большинству советских международников.
- 8 См. например, речь Дж. Шульца в мае 1987 г. в Стэнфордском университете, опубликованной в *Правде*, 1987. 7. 6.
- 9 См. *Defense nationale*, 1987, aout-sept, p. 26-27, 31 ; *Asian Security 1988-89* (Tokyo, 1988), pp.46-50.
- 10 *Правда*, 1989. 5. 4.
- 11 *Московские новости*, 1989. 5. 28.
- 12 *Правда*, 1989. 12. 2.
- 13 *Newsweek*, 1988. 2. 22, p. 16.
- 14 *ТАСС*, 1989. 2. 27. — ДА, л. 46.
- 15 Ал. Арбатов, "Сколько обороны достаточно?" *Международная жизнь*, No.3 (1989), с. 45.
- 16 *Правда*, 1989. 5. 4.

- 17 См. *Проблемы Дальнего Востока*, No. 2 (1989).
- 18 С. Уно, "Взгляд из Токио," *Международная жизнь*, No. 5 (1989), с. 31.
- 19 *Московские новости*, No. 26 (1989. 6. 25), с. 6.
- 20 *Newsweek*, 1989. 2. 27, p. 29.
- 21 В. И. Ленин, *ПСС*, т. 40, с. 92.
- 22 В. И. Ленин, *ПСС*, там же.
- 23 *Международная жизнь*, No. 5 (1989), с. 143.
- 24 *Московские новости*, No. 26 (1989. 6. 25), с. 16.
- 25 См. *Известия*, 1989. 2. 17.